ЦЕННЫЙ ПЕРВОИСТОЧНИК ОБ ОШАКАНСКОЙ БИТВЕ

Предисловие и публикация проф. М. Г. НЕРСИСЯНА

Ошаканская битва—самая драматическая и вместе с тем самая героическая страница истории русско-персидской войны 1826—1828 гг., — войны, в ходе которой Восточная Армения была освобождена от тяжелого ханского ига и присоединена к России. 17 августа 1827 г. под старой армянской деревней Ошакан произошло кровопролитное сражение между армией наследника персидского престола Аббас Мирзы и русским отрядом под командованием генерал-лейтенанта Афанасия Ивановича Красовского, спешившим на помощь Эчмиадзинскому монастырю, осажденному персидскими войсками.

Персидская армия состояла примерно из тридцати тысяч человек, а русский отряд — всего лишь из трех тысяч. Несмотря на огромное численное превосходство неприятеля, русские вонны, в рядах которых находились армянские и грузинские добровольцы, проявляя изумительную храбрость и самоотверженность, опрокинули бешеные атаки врага, прорвали кольцо окружения, дошли до Эчмиадзина и спасли монастырь от грабежа и разорения, а его малочисленный гарнизон, духовенство, местных жителей и сотни больных солдат — от истребления.

Благородный подвиг генерала Красовского, его личная храбрость и отвага были высоко оценены всеми современниками—общественными, политическими и военными деятелями Армении и Закавказья, солдатами и офицерами русской кавказской армии, местным населением и т. д.¹ Только отдельные реакционные генералы, и прежде всего командующий Кавказским корпусом генерал-адъютант И. Ф. Паскевич, старались очернить Красовского, благоразумные действия которого (спасение Эчмиадзина) исходили как из военно-тактических, так и из нравственных, человеколюбивых соображений. В своих донесениях о битве 17 августа Паскевич попытался при помощи фальсификации фактов и несурзных доводов обесславить и оклеветать талантливую генерала². Однако эти попытки, возникшие на почве малодушной мстительности, не имели успеха.

Ошаканское сражение нашло большой отклик, особенно среди армян. Уже через несколько месяцев после знаменитой битвы было решено построить памятник героям, павшим под Ошаканом. Декабрист Е. Лачинов в своих записках отмечал, что 2 января 1828 г. «близ Эчмиадзина, в 2 1/2 верстах, генерал [Красовский] с архиепископом Нерсесом и другими членами монастыря осматривали место, на котором будет строиться памятник избавления Эчмиадзина 17 августа 1827 года. Памятник сей по данному рисунку сооружается от монастыря, под распоряжением архиепископа Нерсеса. Благодарные армяне, видя, что битва 17 августа совершенно убила дух персидской армии и, поселя в ней робость и уныние, была главнейшею причиною блистательных успехов впоследствии, всеми мерами стараются изъявить признательность свою спасителям своим и передать память незабвенного дня сего позднешему потомству, из рода в

¹ Весьма характерно, например, письмо штаб- и обер-офицеров Эриванского отряда от 19 февраля 1828 г. на имя Красовского, где с восхищением говорится о его героическом подвиге в Ошаканской битве. См. «Кавказский сборник», т. 22, Тифлис, 1901, стр. 37.

² См. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею, т. VII, Тифлис, 1878, стр. 486—487, 560—561.

род. из века в век, и по утверждению патриарха в сей день ежегодно будет отправляться во всех армянских церквах благодарственное молебствие богу сил»³.

Но в 1828 г. как Нерсес Аштаракец, так и генерал Красовский, преследуемые графом Паскевичем, были вынуждены покинуть Армению и Закавказье. Однако благородная идея Аштаракца о постройке памятника не была забыта. В 1831 г. престарелый католикос Ефрем, выражая желания, чувства и думы армянской общественности, снова поднял вопрос об увековечении славной памяти героев, павших под Ошаканом. В связи с этим генерал-лейтенант Панкратов 6 августа 1831 г. писал в С.-Петербург графу Чернышову: «Патриарх Ефрем, желая сохранить в памяти доблесть воинов российских, павших за спасение Эчмиадзина 17 августа 1827 года, просит моего представительства об исходатайствовании ему разрешения соорудить иждивеннем монастыря памятник сим воинам в 4-х верстах от Эчмиадзина, между монастырем и дер. Ушаганом. На медных досках, врезанных в пьедестал, патриарх желает означить имена главного и прочих частей начальников, равно и названия полков и артиллерии, кои находились в составе войска, сражавшихся 17-го августа 1827 года для спасения монастыря Эчмиадзинского...»⁴.

Разрешение от Николая I было получено 1 сентября того же года. Строительство памятника началось в 1833 г. и завершилось через год — в 1834 г.⁵ Этот скромный, но драгоценный для нас памятник, воздвигнутый около полутора столетий тому назад, стоит и ныне как олицетворение самоотверженного подвига, человеколюбия и дружбы; исторический обелиск и ныне посещает множество людей с чувством большого уважения к памяти героев 17 августа 1827 г.

Публикуемая ниже «Подробная реляция» об Ошаканской битве (в исторической литературе она иногда именовалась Аштаракской битвой⁶) является важным первоисточником. В нем глубоко проанализированы военная обстановка до битвы, причины похода русского отряда из апаранского летнего лагеря к Эчмиадзину, довольно подробно описан весь ход жестокого сражения, перечислены все воинские части, участвовавшие в боях, имена многих погибших, а также особо отличившихся воинов. Немалую ценность представляют и те строки, которые посвящены декабристу Е. Лачинову, активно участвовавшему в кровопролитных боях.

В рукописи реляции нет подписи, не указан ее автор. Однако текст документа и другие факты не оставляют сомнения в том, что автором «Подробной реляции» является сам генерал А. И. Красовский. Не указана и дата ее написания. Но можно предполагать, что она составлена в конце 1827 г. или в начале (в январе) 1828 г. Для такого предположения дают основание следующие строки Красовского, написанные 25 декабря 1827 г.: «Государь император удостоил изъявить желание иметь подробное описание сражения 17-го августа при Ушагане, и чтобы подвиги каждого отличившагося описаны были в особенности, а равномерно его величество требует сведения о семействах всех чиновников, убитых и тяжело раненых в сражениях во время настоящей кампании противу персиян»⁷. Надо полагать, что именно в связи с этим «желанием» императора и была составлена «Подробная реляция».

Значительную часть реляции в дальнейшем Красовский с некоторыми изменениями

³ М. Н е р с е с я н, Из истории русско-армянских отношений, кн. 1, Ереван, 1956, стр. 386—387. О том, что «признательные армяне» решили воздвигнуть памятник героям Ошакана, упоминается и в другом документе—в письме русских офицеров Красовскому, составленном 19 февраля 1828 г. См. «Кавказский сборник», т. 22, стр. 37—38.

⁴ АКАК, т. VII, стр. 958.

⁵ В. П о т т о, Кавказская война..., т. 3, вып. 3, Тифлис, 1887, стр. 479—480; Ա. Երիցյանը, Ամենայն հայոց կաթողիկոսությանը և Կողիշահի հանդիսաբանության, 1894, стр. 294—295.

⁶ В. П о т т о, указ. соч., стр. 463.

⁷ «Кавказский сборник», т. 22, стр. 51.

включил в свой дневник («Дневник генерала Красовского, 1826—1828 гг.»)⁸, рукопись которого была в 1880-х гг. использована В. Потто⁹. Однако многие ценные отрывки реляции, относящиеся в частности к участию в Ошаканском сражении декабриста Е. Лачинова, многих старших и младших офицеров, командиров армянских и грузинских добровольцев и т. д., были пропущены и не опубликованы.

Об Ошаканском сражении, как показывают соответствующие материалы, Красовский в августе и сентябре 1827 г. написал Паскевичу ряд рапортов¹⁰. Но они кратки и дают лишь общие сведения¹¹. Таким образом, «Подробная реляция» является единственным документом-первоисточником, где действительно подробно и обстоятельно излагается история Ошаканской битвы.

Нелишне отметить, что «Подробная реляция» и «Дневник» Красовского, с одной стороны, и «Записки» декабриста Е. Лачинова, с другой, в ряде случаев идентичны или похожи друг на друга¹². Это обстоятельство наводит на мысль, что первые два упомянутых документа прошли через руки Лачинова.

Об Ошаканской битве имеется ряд других материалов, в том числе письма, разные бумаги Нерсеса Аштаракеци и воспоминания русских офицеров Кавказского корпуса. Кстати, об этой исторической битве имеется упоминание и у выдающегося декабриста и писателя Александра Бестужева-Марлинского, побывавшего в Армении в 1829 г. В письме к своим братьям от 20 августа 1830 г. Марлинский из Дербента писал: «Я бродил потом по развалинам царства армянского... я топтал подножие Арарата, был в Сардарабаде, в Эривани, тогда еще зачумленной. Видел удары наших бомб и ядер на мечетях ее; *видел горестную дорогу, по которой шел к Эчмиадзину Красовский, где легло столько русских, не побежденных, но утомленных*» (курсив наш—М. Н.)¹³. Талантливый писатель, как видим, выразился кратко, но метко.

«Подробная реляция» публикуется по рукописной копии, хранящейся в Центральном Государственном военно-историческом архиве СССР¹⁴. В тексте документа уточнены некоторые географические названия и внесены изменения в пунктуацию.

⁸ Там же, стр. 1—68.

⁹ В. Потто, указ. соч., стр. 465—485.

¹⁰ АКАК, т. VII, док. № 517; «Кавказский сборник», т. 28, стр. 133.

¹¹ «Кавказский сборник», т. 28, стр. 133—137.

¹² М. Нерсисян, указ. соч., стр. 217—218, 321—335. Декабрист Е. Лачинов в своих «Записках» описывает и Ошаканское сражение. Будучи его активным участником, он также сообщает ценные данные об этой исторической битве (см. там же).

¹³ «Русский вестник», т. 87, стр. 499—500.

¹⁴ ЦГВИА, ф. 476, д. 14, лл. 1—13.

ПОДРОБНАЯ РЕЛЯЦИЯ

о сражении 17 августа 1827 года, бывшем при селении Ушагане, между отрядом российских войск под командою господина генерал-лейтенанта Красовского и персидскою армиею под предводительством Абас мирзы, с объяснением причин, побудивших к сему сражению

Августа 6-го. Прибыл в лагерь при Джангили посланный в Эривань весьма приверженный к нам родственник архиепископа Персеса, аштаракской армянини Бедрос Маркаров с известием, что Абас мирза с 25 т. кавалерии и пехоты и 24-мя орудиями прибыл 4-го числа в Эриванскую провинцию и остановился на ночлег в 15 верстах от Эчмиадзина; какое известие объявил ему приверженный к нам эриванский армянский старшина Мелик Исааков, бывший сам в лагере Абас мирзы для свидания с царевичем Александром, женатым на его дочери. Вслед за сим, известие таковое подтвердили многие из приверженных людей, посланных в разные места для разведывания о неприятеле. Я немедленно соединил весь мой отряд, состоявший тогда из пяти с половиною батальонов, которые расположены были в двух отделениях по обеим сторонам реки Абарани на расстояние 10-ти верст, для прикрытия сенокосных и пастбищных мест и дорог, идущих в Грузию, но не имел возможности выступить против неприятеля по причине, что у меня оставалось только на 5 дней продовольствия.

Августа 7-го. Получено известие, что Абас мирза перешел к реке Карасу — между Эчмиадзином и Сардарабатом.

Августа 8-го. Господин корпусной командир предписал из отряда моего одним батальоном занять селение Гумры, и хотя я доносил, что сего исполнить не могу, но генерал-адъютант Сипягин откомандировал туда 1-й батальон Севастопольского полка, посланный мною в Джелал-Оглу для конвоирования провианта, что и ослабило отряд еще одним батальоном.

Августа 9-го. Получил известие, что войска неприятельские от Карасу перешли к селению Акарак и расположились лагерем у подошвы Алагеза, в 5-ти верстах от Аштарака, и заняли сие селение.

Августа 10-го. В 10 часов утра до двух тысяч неприятельской кавалерии приблизились по правой стороне Абарани к лагерю, против которых я перешел с 2 батальонами пехоты, 2-мя орудиями и казачьими полками. Неприятель, будучи атакован казаками, подкрепленными пехотою, обратился в бегство и был преследован с большою потерею; с нашей стороны ранен в ногу саблею весьма храбрый Андреева полка хорунжий Крюков. Дошедши до пресекаемых ущельями мест между Алагезом и селением Сергивиль и не находя никакой возможности провести орудия по тропинкам, между скалами, проходимым только для выюков, я оставил орудия под прикрытием 2-х рот, а с остальными и казаками следовал за неприятелем, желая дойти сколько возможно ближе к лагерю и

осмотреть занимаемую неприятелем позицию. Пройдя еще 6 верст, прибыл на высоты около селения *Кирхкарны*, откуда открылся лагерь неприятельской, расположенный при селении Акарак (кроме которого, все селения до Аштарака заняты были войсками). Того же числа возвратившись в лагерь, получил с нарочным уведомление, что осадная артиллерия в сей день выступает из Джелал-Оглу и что генерал-адъютант Сипягин чрез два дни располагал прибыть ко мне для совещания по делам службы, причем просил меня обеспечить, с моей стороны, как прибытие его, так и следование осадной артиллерии, почему тогда же я отправил к Памбе батальон и два орудия.

Августа 13-го. Ночью неприятельская кавалерия, пробравшись скрытыми ущельями в разных пунктах около лагеря, с рассветом сильными толпами сделала нападение на передовые казачьи посты, которые с отличною храбростью удерживались до прибытия пехоты, после чего неприятель во всех пунктах был опрокинут с большою потерей и отступил за 5 верст от лагеря. В то же самое время я заметил, что сильные массы в нескольких тысячах потянулись от Алагеза к Судагенту; ожидая в сей день генерал-адъютанта Сипягина, я не усомнился, что оные следовали против его; почему немедленно с 2-мя батальонами и с 4-мя орудиями выступил к Судагенту, но, отойдя 2 версты, встретил генерал-адъютанта Сипягина, который отразил неприятеля, спешившего пересечь ему дорогу. До 4-х тысяч неприятельской кавалерии остановились между Алагезом и лагерем, противу которых выступил я с 2-мя батальонами, двумя орудиями казачьими, отделением конгревовых ракет и до 50-ти человек борчалинской конницы. Неприятель, будучи в превосходных силах, прогнан был с потерей в горы, при сем весьма удачно были пущены около 20-ти конгревовых ракет, которые разгоняли толпы неприятельские. Батальон 40-го егерского полка, подкрепленный Крымским, теснил оного до самой ночи.

Августа 14-го. Сего числа поутру слышна была канонада в Эчмиадзине, и я немедленно послал адъютанта моего Врангеля с партией казаков к подошве горы Карни-Ярх, пред моим лагерем в 10-ти верстах, отколь совершенно видны окрестности Эчмиадзина. По возвращении его узнал я, что около Эчмиадзина заметно движение неприятельских войск, а также, что большой лагерь расположен на высотах при Ушагане, в $\frac{1}{2}$ версте от Эчмиадзинской дороги. Пред рассветом получил я донесение из Эчмиадзина чрез армян, с большою опасностью ко мне пробравшихся, что неприятель в числе более 4-х тысяч устроил батареи и приуготовляет оные усилить и приблизить к монастырю, и на словах приказано сказать, что монастырю угрожает большая опасность.

Несколько посланных от меня в Эчмиадзин и из Эчмиадзина ко мне, из армян и татар, были уже захвачены неприятелем; двум из них выкололи глаза и двум отрезали нос, несколько же человек пропало без вести. Почему я никак не мог быть уверенным, что получу известие в случае крайней опасности, угрожающей Эчмиадзину. В сей день поутру я пос-

лал сильную партию для открытия осадной артиллерии, которая, проехавши даже за Памбу, оной не встретила, а ночью я получил известие чрез посланных мною татар, что в сей день передовой транспорт осадной артиллерии ожидается только в Амамлы.

Августа 15-го. Поутру слышна была опять канонада в Эчмиадзине. Посланными чиновниками замечен неприятельский лагерь на том же месте в Ушагане и такое же движение около самого Эчмиадзина. Осадная артиллерия, по уведомлению генерала Сипягина, долженствовавшая прибыть в сей день в лагерь, только еще стягивалась от Кишляка к Амамлам. Известия из Эчмиадзина не получил, но бежавшие от неприятеля 4 сарваза объявили, что сардар Эриванский дал слово Абас мирзе через два дни представить ключи Эчмиадзина, а сей последний обещал сардару подарить для Эривани всю нашу осадную артиллерию. Таковые слухи, распускаемые в войсках персидских, имели свое действие и ободряли их.

Августа 16-го. Я все еще оставался при прежнем намерении идти атаковать неприятеля немедленно по прибытии осадной артиллерии, с которою ожидал батальон Севастопольского полка и два батальона Кабардинского, но поутру в 6 часов открылась канонада в Эчмиадзине, несравненно сильнее прежнего, и беспрерывно продолжалась за полдень; заметно также было, что и войска около Эчмиадзина значительно усилились. Потеря сего важного пункта, необходимого для осады Эривани и Сардарабата, кроме унижения оружия нашего, могла послужить большим ободрением для персиян и самым вредным влиянием на наши провинции, а особливо магометанские. Прибытия осадной артиллерии я хотя и ожидал 17-го на 18 числ, но в таких важных обстоятельствах один час мог сделать невозвратный переворот. В лагере у меня находилось 5 батальонов и рота пионер. Из неоднократных опытов я в полной мере мог полагаться на доверие ко мне, усердие и неустрашимость, одушевлявшие офицеров и солдат, почему решился я с 4-мя батальонами, полуротою пионер и 80-ти человек, оставшимися при штабе Севастопольского полка, 4-я батарейными, 6-ю легкими, двумя конными орудиями и двумя казачьими полками, в числе всех чинов до 3000 человек, выступить в сей день с наступившим вечером к Эчмиадзину. Необходимость требовала взять с собою на 10 дней провианта для отряда и хотя небольшую часть для Эчмиадзина, в котором кроме двухсот тридцати четвертей пшеницы оставалось муки и сухарей самое малое количество. Провиант был уложен на артельные повозки, на полковые и артиллерийские дроги, удобнейшие для движения провиантских фур. Для прикрытия лагеря и лазаретов оставлен 1-й батальон и полроты пионер, под командою генерал-майора Берхмана.

Приказ мой войскам, в 16-й день августа № 40-й отданный

Ребята! Я уверен в вашей храбрости и усердии, уверен готовности бить неприятеля, что я уже видел на опыте. В каких бы силах он с нами

ни встретился, мы не будем считать его, а постараемся нанести решительное поражение. Мы имеем пред неприятелем то превосходство, что одушевлены единым чувством служить верно отечеству и свято исполнять волю все милостивейшего государя. Я предваряю вас, что строгий порядок и устройство поведут вас всегда к победам, и потому требую от каждого исполнения оных со всею точностью. Ежели неприятель решительным на него действием будет опрокинут, то в сем случае быстро его преследовать и отнюдь не расстроиваться и не увлекаться запальчивостью. Стрелкам также не рассыпаться на большую дистанцию и в опасных случаях быстро собираться в кучки. За исполнением чего в точности прошу иметь строгое и точное наблюдение г. г. частным начальникам и офицерам. Я надеюсь, что сие желание мое со всею точностью исполнится, и что порядок, тишина, устройство и точное повиновение составлять будут главнейшую обязанность каждого.

Войска разделены были нижеследующим порядком: батальоны полков Крымского пехотного и 39 егерского разделялись каждый на 2 полубатальона; полк 40-й егерский имел в каждом батальоне по 3 роты, а остальные роты, севастьяпольские стрелки, пионеры и ратники грузинской и армянской дружины составляли сводный батальон.

В авангарде

Казачий Андреева полк, два полубатальона 39 егерского полка, 2 батарейных и 2 легких орудия

Под командою полковника Раенки

В центре

Два полубатальона Крымского полка, сводной батальон, 2 батарейных и 2 легких орудия, две сотни казаков Андреева полка, весь обоз

Под командою генерал-майора Тухолки

В арьергарде

Два полубатальона 40 егерского полка, 4 легких орудия, три сотни казаков Сергеева полка

Под командою генерал-майора Труссона

Для построения отряда в боевой порядок назначено было занимать *первую* линию 2 полубатальонами 39 егерского полка и одним полубатальоном Крымского пехотного полков, 2-мя батарейными и 2-мя легкими орудиями; *вторую* линию — одним полубатальоном Крымского пехотного и двумя полубатальонами 40 егерского полков, с двумя батарей-

ными и двумя легкими орудиями; в резерве для прикрытия обоза—сводный батальон с 4-мя орудиями; казаки располагались по флангам между обеими линиями, что все показано на особом чертеже. У подошвы горы Карни-Ярх собрался отряд около полуночи, в 2 часа пополудни следовал далее по дороге; авангард мой встречаем был неприятельскими разъездами.

Не имея возможности чрез дефилеи и ущелья следовать таковым боевым порядком, я приблизился к высотам пред Ушаганом походною колонною.

Августа 17-го. В 7 часов утра я прибыл на высоты в 2½ верстах от Ушагана. С сего места открылись все силы неприятельские под предводительством Абас-мирзы, занявшие обе стороны Абарани (литера Е. С.), которые состояли более 25 т. кавалерии и пехоты* и 24 орудия, что подтвердилось и впоследствии. Не имея возможности по ущельям и дефилеям устроить назначенной мною боевой порядок, я переменял оный следующим образом: по обе стороны дороги следовали 2 полубатальона 39 егерского полка, между оными 2 батарейных и 2 легких орудия, за оными 2 полубатальона Крымского полка с 2-мя батарейными и двумя легкими орудиями, обоз под прикрытием с правой стороны сводным батальоном, с левой—казаками, и в арьергарде два полубатальона 40 егерского полка с 4-мя легкими орудиями, что показано на плане под литерами А, В, С.

Главные батареи неприятельские устроены были на укрепленном бугре близ самого берега, под выстрелами которых находится Эчмиадзинская дорога, с которой своротить и обойти сие место, по причине непроходимых скал, совершенно невозможно. Пехота неприятельская расположена была на выгодной позиции в три линии, примыкая левым флангом к Абарани, а правым пересекала дорогу; кавалерия же рассыпанная массами занимала все окололежащие высоты. Я видел всю трудность пройти по сей дороге. Отступление от сего места делало потерю Эчмиадзина невозвратною, а малейшая медленность могла ободрить персиян и ослабить доверенность ко мне моих подчиненных.

Я приказал, и колонны мгновенно двинулись на неприятеля. Быстрым движением передовых войск и удачным действием артиллерии неприятель был спрокинут и поспешно отступил от дороги с большою потерю под батареями, устроенные за Абаранью на высотах совершенно неприступных, где онаго атаковать никак было невозможно; ибо единственный переход чрез Абарань находился на картечный выстрел под сильными батареями и неприятель занимал главными силами неприступные высоты; позицию сию атаковать не иначе можно было, как приблизившись к оной по правую сторону Абарани от Эчмиадзина.

Когда войска наши поравнялись с ушаганскими возвышениями, то

* В «Дневнике» Красовского—30 тыс.—М. Н.

неприятельские батареи открыли по нас сильный огонь: артиллерия наша отвечала с большим успехом и вредом для неприятеля и прикрывала движение войск. Пройдя сие место, начались самые трудные спуски, останавливавшие движение артиллерии и обозов.

Абас мирза, видевши столь трудное следование мое, устроил отступившую пехоту и всеми своими силами быстро атаковал меня со всех сторон; действием 22-х орудий (за исключением двух большого калибра, оставленных на ушаганской высоте) при самом удобном местоположении наносил нам большой вред, особливо повозкам, из коих некоторые, будучи подбиты, требовали времени для очищения дороги, что поставило меня в самое затруднительное положение. Атаковать неприятеля всеми моими силами, опрокинуть и прогнать за ушаганские высоты я мог с успехом, но в таком случае должен был бросить на жертву весь обоз и большую часть артиллерии; следовательно, оставалось мне одно: пройти к Эчмиадзину и атаковать ушаганскую позицию от Эчмиадзина при содействии отряда, следовавшего с осадною артиллериею.

Неприятель более устремлял главные силы свои на 40-й егерский полк и старался стеснять оный, занимая сильными массами со всех сторон ближайшие возвышения. Сей полк покрыл себя славою не только удержанием сильнейших пунктов, но неоднократно штыками опрокидывал превосходные силы неприятеля.

При одном трудном спуске подбита была ось неприятельским выстрелами у батарейного нашего орудия; неприятель сие заметил и с запальчивым криком бросился толпами, чтобы овладеть оным. Полковник Гилленшмит подвез уже запасной лафет, чтобы переложить сие орудие, но, видевши, что неприятель в больших силах стремился на нас, производя по сему орудью сильный картечный и ружейный огонь, просил меня убедительно оставить его с орудием на жертву и не подвергаться столь очевидной опасности. Я, сказавши, что сам с ним останусь, побуждал, чтоб как можно скорее перекладывали орудие, а между тем повел на штыки батальон 40 егерского полка и мгновенно опрокинул неприятеля; но в то же самое время заметил, что неприятельские толпы по другую сторону дороги занимали уже возвышения в 50 шагах от орудия и теснили стрелков наших. Тогда я оставил батальон 40 полка, приказал майору Щеголеву не уступать ни шагу, а сам, взявши резерв того же полка, стремительно опрокинул часть неприятельской пехоты и кавалерию, едва успевшую занять сии возвышения и в сем месте я получил от гранаты неприятельской сильную контузию в правую руку с повреждением кости, а вслед затем убита подо мной другая уже лошадь. Бывший со стрелками 40-го егерского полка поручик Пожидаев дал мне свою лошадь и я с большим трудом, чувствуя жесточайшую боль в руке, едва с пособием людей мог сесть на оную. Я старался скрыть положение моей руки, должен был показывать совершенное спокойствие и ободрять личным присутствием везде, где угрожала нам большая опасность. Последние два отражения изумили неприятеля и остановили его. Я подъехал к

орудию, которое в то же время переложено на запасной лафет и гронулось с места, а вслед за ним отошли стрелки и 40-й егерский полк под прикрытием батарей наших, устроенных на картечный выстрел от сего опасного спуска.

Вслед за сим, когда неприятель сильно теснил 1-й батальон 40 егерского полка, майор Щеголев получил пулевую рану в голову и сильную контузию в ногу; батальонный адъютант поручик Симановский прибежал ко мне сказать о сем. Опасаясь, чтобы отсутствие сего отличного штаб-офицера не поколебало твердости батальона, я сам тотчас приехал к батальону, нашел оный выдерживающим самый жестокий огонь и когда спросил 3-й роты легкой фейерверкера Каврыгина, бывшего при сем батальоне с одним орудием, почему он не стреляет картечными в толпы неприятельские, бывшие не далее ста шагов, он отвечал мне, что у него осталось только два заряда, которые сохраняет для крайнего случая. Я готов был в то же время обнять сего отличного человека, приказал немедленно подвезти ящик, после чего картечными выстрелами толпы неприятельские опрокинуты были за высоты, и батальон отступил от сего места тогда, как получил приказание.

В одном опасном случае командир 3-й легкой роты, артиллерии капитан Соболев, прикрывая с двумя орудиями трудный спуск, явил знаки мужества и неустрашимости, достойные удивления. Картечи и пули неприятельские осыпали его со всех сторон. Я подъехал к его батарее с тем, чтобы ободрить, опасаясь весьма вредных последствий от преждевременного отступления, но капитан Соболев с полным присутствием духа и удовольствием на лице сказал мне: будьте уверены, что и 20 персидских орудий не собьют меня: после чего нанес неприятелю жестокий вред картечными. Отступил с орудиями по данному приказанию.

Инженер генерал-майор Трузсон, командуя вверенным ему отделением, оказывал во всех случаях отличные знаки храбрости и мужества. Когда я сам лично вел на штыки 40-й егерский полк, то он, находясь вместе со мною, оказывал отличную неустрашимость и присутствие духа, причем убит под ним лошадь. Я должен признательно засвидетельствовать, что сему искусному генералу много обязан в успехе сражения.

Таким образом, отражая на каждом шагу стремление неприятеля в десять раз нас многочисленнее, мы были непрерывно в самом жестоком огне от 7 часов утра до 4-х пополудни, под зноем солнца, нас палившего, и не имея от самого лагеря ни одной капли воды.

Спустившись на равнину, я остановился близ канавы в 2-х верстах от Эчмадзина. Стрелки и казаки, находившиеся по обеим сторонам, получили приказание присоединиться к колоннам; но первые большею частью были столь изнурены и томимы жаждою, что большая часть из них, презирая опасность и будучи теснимы сильными толпами неприятельской кавалерии, спешили, истощая последние силы, не к колоннам, а к воде, и соделывались жертвою добычи отчаянных неприятельских на-

ездников. Ожесточение их в сем случае простиралось до такой степени, что многие, невзирая на сильный картечный и ружейный огонь, приближались к самым колоннам и были жертвою запальчивости своей; казаки же по малочисленности их не могли противопоставить отражение многочисленной неприятельской кавалерии.

В сем случае я имел неосторожность отдалиться несколько от колонн для ободрения стрелков и вместе с ними был окружен. Многие подле меня соделались жертвою от сабельных ударов, участь сия ожидала и меня, но бывший при мне храбрый обер-аудитор Белов успел об опасном моем положении дать знать ближайшему к сему месту командующему Донским Сергеева полком войсковому старшине Шурупову, который с отличною храбростию, вместе с Беловым и не более 30 человек казаков, бросились на неприятельские толпы, пиками и сабельными ударами очистили дорогу, многих и самых отчаянных куртинских наездников положили на месте, а остальных обратили в бегство, чем спасли меня и многих из наших офицеров и солдат, не бывших в состоянии защищаться, по неимению патронов и по совершенному изнурению сил своих.

На сем месте в устроенном боевом порядке, показанном на плане под литерою D, неприятель с новою запальчивостию стремится атаковать меня со всех сторон и после упорного сражения во всех пунктах был отражен и потянулся к Ушагану, а я после сего отступил к Эчмиадзину. Большое содействие мог бы мне оказать комендант эчмиадзинский, артиллерии подполковник Линденфельд, если бы из гарнизона выслал к канаве две роты с одним орудием. Я никак не мог сего ему приказать, будучи совершенно окруженным, а он не исполнил сего, опасаясь, что при разбитии меня гарнизон Эчмиадзинский будет ослаблен; почему две роты, по моему приказанию, высланы были тогда, как неприятель очистил сообщение мое с монастырем, к чему содействовали удачные пушечные выстрелы с башен монастырских.

Таким образом окончилась кровопролитная битва 17-го августа. Можно сказать, что подобной никогда еще не бывало с персанами. Они, будучи поражены 5-го июля при Джеван Булаке и видя оружие наше в недрах своего отечества, силу которого испытали и под Елисаветпелем, клонящуюся и уже близкую к покорению Эривани, столь много прославившуюся событиями и столь дорого ими ценимую, выходили из грани отчаяния. Колонны сарвазов беспрестанно были опрокидываемы картечами и штыками, возвращались с новым бешенством в бой. Запальчивая стремительность конницы изумляла нас, что едва ли когда-нибудь можно было ожидать от народа персидского, и одним только русским свойственно было преодолеть такую стремительную и несоразмерную битву.

В сем сражении я наиболее обязан искусству, неустрашимости и твердости командующего артиллериею гвардии полковника Гилленшмита, командиру 3-й легкой роты капитану Соболеву, 1-й батареей роты поручику Гилленшмиту 2-му и вообще всем артиллерийским офицерам

и нижним чинам. 40-й егерский полк показал храбрость и твердость, достойные удивления. Командир оного подполковник Шумский, будучи ранен в руку пулею навывлет, не оставлял своего места до конца сражения, и вообще все начальники частей и офицеры сохранили во всех случаях строгий порядок, а нижние чины в точности исполнили приказ мой и более нежели оправдали ожидание мое. Я должен упомянуть также об отличном поступке 1-й батарейной роты фейерверкера Осипова. Когда ядро неприятельское перебило ему левую руку выше локтя и сделало жестокую контузию в бок, то упал и был поднят товарищами, чтобы положить на повозку, но он, придя в память, решительно от сего отказался; взяв в правую руку висевшую только на коже левую, сказал: я лучше желаю умереть подле орудия и таким образом вместе с оным дошел до монастыря, где сделана ему операция и остался по сие время жив, под особым моим попечением.

Находившиеся при мне 20-й пехотной дивизии старший адъютант капитан Жилинский, адъютант мой штаб-ротмистр Врангель, а также покойный обер-аудитор 20-й дивизии Белов оказали в сей день отличное усердие, примерную храбрость и неустрашимость. Все посылаемые мною чрез них приказания не только доставлены были с быстротою в самые опасные места, но неоднократно они содействовали личным присутствием к удержанию стрелками весьма важных мест. В одном случае, когда в 20 шагах от неприятеля убита была под мною лошадь, то Врангель первый соскочил с лошади и предложил мне свою, но как он мне был весьма нужен, то я взял лошадь, предложенную мне находившимся со стрелками 40 егерского полка поручиком Пожидаевым, на которой и оставался до конца сражения, а Пожидаев от изнурения сил едва не сделался жертвою сего усердия.

Неоднократно заметил я находившегося во все время сражения в стрелках 39 егерского полка рядового Лачинова, оказавшего отличные примеры храбрости и неустрашимости и обратившего на себя особое внимание от товарищей. Сей рядовой разжалован в сие звание из офицеров Генерального штаба за то, что знал о составленном заговоре, но скрыл оный. Служит с примерным усердием более года под моим особенным наблюдением, и я с истинною признательностью должен сказать, что всегда видел в нем молодого человека, исполненного самых благородных мыслей, с большими способностями и нравственности примерной; никогда не было замечено в нем никакого знака роптания на постигшее его несчастье. При покорении крепостей Сардарабата и Эривани он по собственному желанию находился непрерывно в траншеях и оказывал примерные знаки усердия и храбрости, за что представлен к исходатайствованию всемилоостивейшего прощения. Я осмеливаюсь присовокупить к сему, что всемилоостивейшее внимание к сему молодому человеку почти собственной для себя наградою, а особливо если бы при возвращении ему офицерского чина он мог быть назначен ко мне адъютантом; в таком случае могу отвечать моею честью, что служба приобрела бы в нем редкого и полезного офицера.

Кроме вышеписанных чиновников, я почитаю справедливым за показанное усердие, храбрость и мужество, кроме заслуженной награды, сделать известными имена:

Командира 3-й бригады 20-й пехотной дивизии генерал-майора *Берхмана*, за отражение покушения неприятеля в превосходных силах на лагерь и осадную артиллерию при Джангиле.

Командира 1-й бригады 20-й пехотной дивизии генерал-майора *Тухолку*, получившего сильную контузию в ногу.

Исправляющего должность дежурного штаб-офицера Генерального штаба подполковника *Жихарева*, командовавшего двумя казачьими полками; бывшего командиром 23 егерского (а ныне Крымского пехотного полка) подполковника *Красовского 2*.

Исправляющего должность квартирмейстера Тифлисского пехотного полка капитана *Гене*.

Крымского пехотного полка командира 1-го батальона майора *Муликовского*, умершего от полученных в сражении ран.

Того же полка майора *Велентя*, получившего рану навывлет пулею в ногу с ушибом бедровой кости.

Майора Швейковского, капитана Михайловского.

Штабс-капитанов Жердева 1 и Яковенку, получившего контузию в лопатку.

Соболевского, раненного пулею в ляжку бедра левой ноги и выше колена с ушибом кости.

Адъютанта генерал-майора Тухолки штабс-капитана Жердева 2.

Поручика Дуржицкого, раненного ядром с оторванием пальцев на левой ноге.

Прапорщика Пожидаева, получившего рану пулею навывлет близ верхнего сустава бедра правой ноги.

Корецкого.

Штаб-лекаря Сергеева.

Полкового священника Федотова.

Севастопольского пехотного полка прапорщика Олеша.

39-го егерского полка полковника Раенка.

Прикомандированного к оному 40 егерского полка майора Пулко.

Майора Коробова.

Капитана Михайловского, получившего контузию пулею в обе ноги.

Капитанов Бернова и Селихановича, из коих первый получил ядром контузию в левую часть головы.

Штабс-капитанов Рудакова и Росинского, получившего контузию в левой бок черепом от разорванной гранаты.

Поручиков Доре и Теплова.

Подпоручиков Белимова и Базилевича, из коих первой получил сильную контузию от разорванной гранаты в правое плечо.

Полкового адъютанта подпоручика Мондяноса.

Прапорщиков Симонова, Шпаковского и Бугримова.

Исправляющего должность дивизионного доктора штаб-лекаря Свирицкого-Сварика.

40-го егерского полка майоров Щеголева и Дабродского.

Капитанов Неверовского 1, Кандаурова и Сипайло, получившего сильную контузию.

Штабс-капитанов Бирзуля, раненного пулею в правую руку навывлет выше локтя с раздроблением кости, Неверовского 2, получившего сильную контузию, Шамонина, получившего рану дротиком в левое плечо.

Поручиков Нага, фон Берга, раненного пулею в левую ногу, выше колена навывлет, Багаевича, Кругликова.

Подпоручиков Золотова, Пулло, Щеголева и Цитовского, получившего рану пулею в правую ногу выше колена навывлет, полкового квартирмейстера Миргородского.

Прапорщиков Добржина, раненного пулею в правую ногу выше колена, Дорошенка, Кошанского, Ананьева.

Полкового штаб-лекаря Михайловского.

Обер-вагејмейстера 20-й пехотной дивизии подпоручика Беттингера

20-й артиллерийской бригады

Подполковника Бухарина.

Подпоручиков Денфира, бригадного адъютанта Модзолеевского и Власьева; прапорщиков Козлова и Кавказской гренадерской артиллерийской бригады Друковцова.

Аудитора Трифонова.

Войска Донского конной артиллерии № 3 роты сотника Горелкина.

Командовавшего частью, полуротою пионер, 6-го пионерного батальона прапорщика Карманова; Донского казачьего полков Сергеева.

Есаула Анисимова.

Сотников Клинцова и Шапошникова.

Подполковника Басова. Имени его полка:

Есаулов Леонова и Епифанова. Сотника Элкина 3.

Хорунжих Крюкова, Колыванова и Леонова.

Командовавшего Грузинским ополчением, Эриванского карабинерного полка подпоручика князя Туманова.

Командовавшего 2-ю армянскую дружиною, Херсонского гренадерского полка подпоручика Акимова.

Находившихся при мне волонтерами подполковника Джаряева, сигнахского гражданина Георгия Акимова.

Губернского секретаря мирза Исмаил Дегарова.

Коллежского регистратора Ханджаева.

О нижних чинах, особенно отличившихся в сем деле и заслуживающих производства в офицеры и награждения знаками военного ордена, прилагается именной список*, в котором помещены и казаки, бывшие при войсковом старшине Шурупове.

Достоинно замечания также, что больные нижние чины, находившиеся в эчмнадзинском госпитале, сами добровольно уступали койки для раненых и ложились на голую землю до устройства им постелей.

Потеря с нашей стороны заключается в убитых и раненых и без вести пропавших всех чинов 1131 человек. Но весьма ощутительна потеря убитых в сражении достойных и отличных офицеров: командира Крымского пехотного полка подполковника Головина, подпоручика Апостолова, Севастопольского пехотного полка майора Белозора и 40 егерского полка поручика Чугаевича, подпоручика Силина и прапорщика Бояринцева.

Неприятельская потеря простирается до 3000 человек, что подтвердилось и впоследствии самыми верными доказательствами. В числе значительных персидских чиновников, раненных в сем деле, состоял командовавший всеми сарвазами сартип Магмет хан, находящийся ныне в Эривани, получивший две раны пулями.

Прибывши к Эчмнадзину, я в тот же вечер в разное время отправил 6 человек армян с повелением в лагерь мой при Джангиле, чтоб по прибытии осадной артиллерии генерал-майор Лаптев с кабардинским полком и 4-мя батарейными орудиями следовал к Эчмнадзину и, не доходя до Ушагана, остановился в 3-х верстах, на высотах, открытых из Эчмнадзина, сделал по два выстрела из каждого орудия. Сие служило сигналом к моему выступлению, дабы поставить неприятеля между двух огней, разбить его или принудить к отступлению.

Выбор позиции при Ушагане для персидской армии, которая пересекала сообщение с Эчмнадзином, закрывала всю Эриванскую провинцию и с удобностию давала способ действовать на наше сообщение с Грузиею чрез Памбу, делает особую честь персидскому полководству, и если бы армия сия имела дело не с русскими, то, конечно, успехи увенчали бы ее славою. Вообще движение Абас мирзы с главными силами в Эриванскую провинцию принесло бы счастливый оборот делам его, если бы он успел разбить меня. Абас мирза при всех усилиях не мог собрать и привести в прежний порядок войска свои; под предлогом отвоза в крепости и по деревням раненых и погребения убитых он не досчитывался большей половины армии. Из числа посланных мною в лагерь два человека были пойманы, и он, опасаясь быть вновь атакованным, 19-го числа оставил Уша-

* Список отсутствует в архивном деле.—М. Н.

ган и, уклонясь за реку Заигу, расположился лагерем на левом берегу сей реки, в 20-ти верстах выше Эривани и по прямому направлению от лагеря при Джангиле в 15-ти верстах, избрав позицию не только весьма крепкую и почти неприступную от природы, но еще и укрепил лагерь свой ретраншементом. В таком положении были дела наши в Эриванской провинции. Армия Абас мирзы, хотя и претерпевшая поражение, но не разбитая, кроме гарнизонов в крепостях простиралась еще до 20 т. человек и могла мне нанести жестокое поражение, если бы я с осадною артиллериею и транспортами, принадлежащими к оной, и с провиантом, состоящим почти до 2-х тысяч арб и повозок, осмелился тронуться для осады Эривани. Оставаться в Джангиле с обыкновенным количеством волов и лошадей, не имея вовсе в окрестностях на расстоянии 10-ти верст подножного корма, я никак не мог; отступлением к Судагенту, где еще подножный корм, открыл бы неприятелю слабость мою. Поправить такое положение, принудив Абас мирзу удалиться из Эриванской провинции и открыв действие к осаде и взятию крепостей, дать сим самый счастливый оборот кампании можно было только тогда, если бы отряд мой увеличен был по крайней мере вдвое. Не было ни малейшего сомнения, что Абас мирза, усиливаясь защищать Эривань, знал совершенно, что от покорения сей крепости зависела участь войны и даже участь Персии. Все сие не могло быть мне неизвестным, и по собственному моему понятию и по сведениям, полученным о положении здешнего края. Для приведения в действие моего намерения я открыл оное полковнику Гилленшмитцу, который в полной мере заслуживал и пользовался моею доверенностию. Я знал, что для отделения значительного числа войск из главного отряда нужны сильные и самые побудительные причины, почему и решился послать к г-ну корпусному командиру вместе с донесением моим о ушаганском сражении другое шифрованное донесение, в котором показал положение мое с самой невыгодной стороны и даже решился написать, что без сильного с его стороны подкрепления я не надеюсь возвратиться в прежний лагерь без потери всей артиллерии.

20-го осадная артиллерия прибыла в Джангиле и того ж числа генерал-майор Лаптев выступил с кабардинским полком к Ушагану, где уже не застал неприятеля. После выступления кабардинского полка до 3-х т. кавалерии неприятельской приблизилась к лагерю и осадной артиллерии, но были весьма удачно отражены генерал-майором Берхманом.

21-го, усиливши Эчмиадзинский гарнизон 40-м егерским полком, я соединился с кабардинским полком и 22-го возвратился в лагерь при Джангиле.

Абас мирза, продолжая укреплять свой лагерь, послал 2 тыс. человек отборной конницы в Памбакскую долину, чтобы препятствовать следованию из Джелал Оглу транспортов с провиантом, которые в сие время должны были переходить Безобдал. У меня оставалось провианта по 2-е сентября; потеря одного транспорта могла поставить меня в самое бедственное положение. Я послал немедленно батальон Крымского пол-

ка с двумя орудиями, который, следуя форсированно, 26-го числа прибыл в Джелал Оглу и застал транспорт еще на месте, по причине, что батальон Севастопольского полка, высланный для конвоирования, отправлен был в Гумры. Получивши о сем донесение с нарочным татаринком и удостоверившись, что неприятельская конница заняла Памбакскую долину, я послал 30 августа батальон Севастопольского полка с 2-мя орудиями и всеми конными повозками, дабы, взявши на оные сухарей, привезти как можно скорее в лагерь, где в полках оставалось на 3 дни продовольствия.

Приближение к Амамлам с одной стороны транспорта с провиантом, провозжаемого батальоном, а с другой — батальона и двух орудий, следующих из лагеря, принудили неприятеля оставить Памбакскую долину, и 3-го сентября я получил сухари, привезенные на посланных мною повозках, в то самое время, когда у большей части людей не было уже ни одного сухаря.

После отступления персидских войск за реку Зангу я узнал, что в Аштараке оставлен с 5-ю стами конницы Селим хан Айрумский, племянник и зять Измаил хана, взятого генералом Бенкендорфом в плен. Я слышал неоднократно от архиепископа Нерсеса, что чиновник сей готов оказать нам свою приверженность, почему послал к нему тайным образом письмо, в котором объяснил, что он как житель Эриванской провинции должен будет в скором времени сделаться или подданным нашего императора, или оставить свое отечество, для чего советовал ему, как человеку мною уважаемому, вступить со мною в сношение не теряя времени и стараться быть для нас полезным, не обнаруживая сего пред начальниками персидских войск. Письмо сие столько подействовало, что он в ту же ночь с одним приверженным ему чиновником явился ко мне в лагерь с обещанием исполнять в точности всякое желание мое и с тех пор я уже не имел ни малейшего затруднения и опасности в пересылке бумаг и получал от него все сведения, касавшиеся о войсках персидских.

2-го сентября он сам ночью доставил мне зашифрованную записку корпусного командира, извещавшую меня, что отряд войск наших под личным его начальством выступает из Карабабы 27 августа и прибудет к Эчмиадзину около 5 сентября.

Сентября 4-го я выступил из Джангили с кабардинским пехотным полком и четырьмя орудиями к Эчмиадзину, остальные войска и осадную артиллерию разделил на 3 отделения и приказал быть готовыми к немедленному выступлению по получении повеления.

Следуя к Эчмиадзину, я заметил, что Абас мирза со всеми своими силами тянулся от Эривани к Сардарабату, обходя Эчмиадзин в 6-ти верстах дорогою, идущей около Аракса. По прибытии же в Эчмиадзин узнал, что корпусной командир с отрядом следует от Гарнича по эриванской дороге, почему с двумя ротами и одним орудием и 50-ю казаками я отправился из Эчмиадзина и встретил его высокопревосходительство при переправе чрез реку Зангу.

ԱՐԺԵՔԱՎՈՐ ՍԿՋՐՆԱՂՐՅՈՒՐ ՕՇԱԿԱՆԻ ՃԱԿԱՏԱՄԱՐՏԻ ՄԱՍԻՆ

Նստարանի և նրա պարտավորումը պրոֆ. Մ. Գ. ՆԵՐՍԻՍՅԱՆԻ

(Ա մ փ ո փ ու մ)

Ռուս-պարսկական 1826—1828 թթ. պատերազմի ռազմական գործողությունների մեջ առանձնապես աչքի ընկավ Օշականի ճակատամարտը, որ տեղի ունեցավ 1827 թ. օգոստոսի 17-ին: Երեք չազար մարդուց բաղկացած ռուսական զորամասը, որ շարժվում էր Ապարանից դեպի պարսից զորքերի կողմից պաշարված էջմիածին, նրան օգնություն ցույց տալու համար, Օշական գյուղի մոտ, գեներալ-լեյտենանտ Ա. Ի. Կրասովսկու հրամանատարությամբ արյունահեղ սարտեր մղեց պարսկական թագաժառանգ Աբբաս-Միրզայի 30-հազարանոց բանակի դեմ: Չնայած թշնամու բանակական շատ մեծ գերազանցությանը, ռուս մարտիկները, ցուցաբերելով զարմանալի սխրագործություն, հետ շարտեցին նրա կատաղի գրոհները, դուրս եկան շրջափակումից և հասնելով էջմիածին, փրկեցին այն թալանից ու կոտորածից: Պատմական այդ ճակատամարտում Կրասովսկու զորամասը, որի կազմում գտնվում էին նաև հայկական ու վրացական աշխարհազորային ջոկատներ, տվեց ծանր կորուստ: Ընկած հերոսների հիշատակը հավերժացնելու համար երախտապարտ հայ ժողովուրդը Օշականից դեպի էջմիածին տանող ճանապարհի վրա 1834 թ. կանգնեցրեց հուշարձան (այն կանգուն է նաև այսօր): Այստեղ հրապարակում ենք Օշականի ճակատամարտի մասին գեներալ Կրասովսկու կազմած մանրամասն վեկուցագիրը («Подробная реляция»), որն անկասկած խիստ արժեքավոր սկզբնաղբյուրփաստաթուղթ է: